

УДК 631.16

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

В.И. Степенев,

Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Сегодня в мировом аграрном производстве и потреблении продовольствия все чаще на слуху «органическое сельское хозяйство», при котором не используются или мало используются агрохимикаты, консерванты, тяжелые машины и невозобновляемые источники энергии. Примерно 30 лет назад на прилавках европейских и американских магазинов впервые появились «органические» овощи, фрукты, мясо, молоко, вино, популярность которых растет с каждым годом.

Сейчас объемы международной торговли такими продуктами уже достигли 21 млрд долл. Главный стимул их производства — рост благосостояния населения. В странах с уровнем ВВП выше 12 тыс. долл. на душу населения покупатели отдают предпочтение органическим продуктам, несмотря на то что цены на них в среднем на 20%, а на отдельные виды в 2—2,5 раза выше, чем на обычные. Рост платежеспособного спроса на лучшие натуральные продукты определяет культуру производства и культуру экологии. В Скандинавских странах экологичные агротехнологии уже применяются на 60—90% сельскохозяйственных угодий. А «культура поля идет рука об руку с культурой человека».

Нарастающий спрос на экологичную продукцию («органические» текстиль, косметика, игрушки, мебель, дома) делает все более актуальным «возврат к земле», безопасное природопользование. Такая переоценка спроса в мировом сообществе определяется, с одной стороны, необходимостью более эффективно использовать «даровые силы природы» и постоянно дорожающие капитальные вложения, с другой — повышением спроса на экологичные продукты.

Российское сельское хозяйство сейчас волей судьбы вполне конкурентоспособно, с точки зрения экологичности. Применение удобрений и пестицидов у нас почти в 20 раз меньше, чем на Западе, а биостимуляторы в животноводстве вообще не используются. Неслучайно на ежегодной Международной ярмарке «Зеленая неделя» в Берлине выстраиваются очереди за российскими продуктами, произведенными по выверенным («органическим») технологиям. Их теплый ностальгический импульс стал производственным фактором. Однако эффективность производства отечественной сельскохозяйственной продукции пока значительно уступает западной.

Располагает ли Россия сейчас реальными резервами экономики ресурсов и роста на этой основе эффективности своего АПК? Бесспорно! В их числе — использование низкочастотных технологий на биологической основе, обеспечивающих производство конкурентоспособной органической продукции. При этом наиболее серьезного внимания заслуживает расширение практики травосеяния. В стране накоплены немалые знания и опыт в этой области. Однако их использование не всегда было последовательным и полезным для отечественного сельского хозяйства.

Опыт отдельных хозяйств Нечерноземья России показывает, что в сложившихся экономических условиях травополье удовлетворяет требованиям и экологии, и экономики. И это неудивительно! В былые годы слава о псковских, ярославских, тверских клеверах шла далеко за пределы этих губерний. Чуть ли не каждый уезд имел свой собственный «кряж» (местный сорт) клевера. Эти «кряжи» за долгие годы естественным путем хорошо приспособились к местным условиям и обеспечивали воспроизводство плодородия земель, высокобелковый корм для скота и, в конечном счете, эффективное землепользование.

В 1930—1950-х гг. прошлого столетия в условиях практически полного отсутствия минеральных удобрений и при крайне ограниченных материально-технических и энергетических ресурсах травопольная система академика В.Р. Вильямса доказала на практике свою эффективность, обеспечив стабильность поступательного развития сельского хозяйства страны. Лишь претензия на абсолютную универсальность и насаждение ее во всех регионах опорочили травополье и в значительной мере дискредитировали саму идею необходимости его использования. В середине 1950-х гг., когда был взят курс на «интенсификацию» — «универсальную кукурузную систему», многие поля с травами были запаханы с песнями о том, до чего нас довела травопольная система. Не посчитались тогда и с доводом самого К.А. Тимирязева: «Едва ли в истории найдется много открытий, которые были бы таким благодеянием для человечества, как это включение клевера и вообще бобовых растений в севооборот, так поразительно увеличившие производительность труда земледельца». Клевер дает играючи то, что под силу только азотно-туковому комбинату, но при нормальной температуре и давлении: 200 тыс. га посевов клевера или люцерны могут «связать» за год 30—32 тыс. т атмосферного азота, который, в сущности, является даровым — все расходы по культуре этих бобовых трав окупаются животноводством. Они — отменный корм, и после них лучше растут хлеба.

Сегодня, когда из оборота выпало около 40 млн га сельскохозяйственных угодий, «вопрос трав» приобретает особый эколого-экономический смысл для аграрного сектора России. В условиях дороговизны минеральных удобрений и при ограниченном внесении навоза (российское стадо сократилось почти в 3 раза) поднять плодородие почв может лишь органика, которой больше всего оставляют многолетние травы. Хотя, конечно, могут сказать, что проблемы здесь нет. В странах ЕС и США фермеров даже поощряют субсидиями за сокращение посевов. Но, там, в отличие от нас, перепроизводство сельскохозяйственной продукции, объемы ее и квоты экспорта давно уже определены для каждой страны ВТО. А их фермеры, выводя из оборота поля, все чаще резервируют их, засевая травами. И неспроста...

В начале 1970-х гг. при резко возросших мировых ценах на зерно (именно тогда СССР и появился на мировом рынке зерна) США распахали 25 млн га резервных земель под посевы зерновых. На экспорт заработало 40% уборочных площадей. Это обеспечило значительный рост доходов американским фермерам при экономии ресурсов на освоение новых земель и дорогостоящих интенсивных технологий. Уже к середине 1990-х гг., в соответствии с программой консервации земель США, из производства было выведено до 15 млн га. За консервацию земель бобовыми фермерам выплачивали премию. На это ушло более 3 млрд долл., но государство в целях сохранения земли пошло на такие расходы. В России сегодня «лишние» деньги стабилизируются. Принятые программы без рациональных экономических механизмов сохранения почв и повышения их плодородия могут так и остаться на бумаге, а на деле появятся пустыри и овраги. Уже сейчас каждый третий гектар пашни эродирован и для восстановления в стране сельскохозяйственных земель требуются колоссальные

средства (по оценке, около 17 трлн руб.). А в случае форс-мажорных обстоятельств (неурожай или падения цен на нефть и газ) мы обречены на обострение проблемы продовольствия. И это не страшилка: в 2007—2008 гг. отмечен резкий рост цен на все продукты питания как на внутреннем, так и мировом рынке.

В то же время при столь значительных площадях «заброшенных» сельскохозяйственных земель консервация их путем залужения многолетними бобовыми травами при надлежащем за ними уходе становится определенным залогом роста потенциала и стабильности экономики сельского хозяйства. По скромной оценке увеличение площади таких трав на 10 млн га позволяет вовлечь в отечественное земледелие до 1,5 млн т биологического азота, что экономит до 5 млн т аммиачной селитры и 24 млрд руб. на ее приобретение. Если учесть, что для производства 1 т аммиачной селитры необходима энергия, эквивалентная 0,5 т нефти, ее экономия составит 2,5 млн т. Снизятся также удельные потребности в технике, ГСМ и затраты на обработку полей при увеличении производства травяных кормов.

Освоенные земли дадут ренту. А арендная плата, получаемая арендодателем — владельцем земли (земельной доли), которую он сегодня не в состоянии обрабатывать по экономическим причинам, может сделать и его эффективным земледельцем или улучшить социальное положение. Но этот процесс должен быть управляемым, используя в деле охраны почв известное наследие Ф. Рузвельта, позволившее в начале 1930-х гг. прошлого столетия вывести США из Великой депрессии. В частности, его три «экономических кнута и пряника»: увеличение или ограничение закупок у фермеров по залоговым ценам, поощрение или лишение их дешевых кредитов и льготного государственного страхования. Такие полевые и рыночные технологии позволяют России наращивать объемы экологичной сельскохозяйственной продукции при более низких затратах невозобновляемых энергоресурсов и сохранности окружающей среды. Они способны повысить стабильность производства как за счет сокращения прямых потерь, неизбежных при «стихийном рынке», так и за счет расширения возможностей использования ресурсосберегающих технологий. Если же земли будут оставаться в запустении, то безвозвратные потери и нарастающие затраты на вторичное освоение старопахотных земель неизбежны. А осваивать их придется! Глобальное потепление все больше сдвигает эффективное сельское хозяйство с юга на север, где сейчас наибольшие залежи.

Нынешние постреформенные изменения в системе землевладения и землепользования привели к дроблению аграрных земель, что пагубно сказалось на использовании сельскохозяйственных угодий и ресурсоэкономных технологий, а также развитию «органического» сельского хозяйства. При значительном увеличении мелкотоварного частного сектора, в условиях «дефицита» зернофуража и средств доставки кормов резко возросли нагрузки скота на сенокосы и пастбища, расположенные вблизи населенных пунктов. В результате сегодня на 6% естественных кормовых угодий в индивидуальных хозяйствах производится 82% баранины, 52% говядины, 48% молока. Особенно остро эти проблемы проявились в центральных и южных регионах Европейской России, где идет деградация пастбищ на склонах рек и оврагов. В то же время в районах Нечерноземья отдаленные луга и пастбища недоиспользуются, зарастая кустарником, мелколесьем, и тоже деградируют. В результате разрушается баланс природных кормовых угодий и само аграрное хозяйство. О каком росте его конкурентоспособности можно говорить, если при огромных российских просторах природных кормовых угодий — 97 млн га (второе место после Канады) — доля самых дешевых пастбищных кормов в рационах нашего скота составляет лишь 10—15%?! В то время как в странах ЕС, где луга куда более обильны — 35—40%, а в США при самом высоком

уровне производства зернофуража — 44%.

Стратегия концентрации сельского хозяйства на ограниченной территории «лучших земель» имеет не только экологические, но и геополитические изъяны. При такой стратегии неизбежно в дальнейшем сжатие российского освоенного пространства, его экономическое опустынивание и даже одичание территории. Хотя с точки зрения голого прагматизма в конкретных условиях это может быть и выгодным. Но нельзя не учитывать, что в условиях острого дефицита природных ресурсов в мире огромные малоосвоенные территории с малочисленным населением России вряд ли будут оставаться вне внимания отдельных стран. Поэтому расширение таких территорий — это и скрытая угроза национальной безопасности.

Хотя сегодня большая часть отечественных сельскохозяйственных продуктов производится в хозяйствах населения, где нет крупномасштабного применения агрохимикатов, говорить о том, что на потребительский рынок страны поступает столько же и экологической продукции, не приходится. Такая продукция у нас сегодня прибыльна лишь при ее реализации на некоторых рынках, которые изобилуют отменными продуктами, реализуемыми по высоким и очень высоким ценам. А в целом по стране производитель имеет лишь треть от рыночной цены, остальное забирают посредники и торговцы. От этого страдают и потребители, и товаропроизводители, что, конечно, не стимулирует рост товарности «органической» продукции. Нарастивать ее объемы в таких условиях — себе дороже. Товарность мелких хозяйств на порядок меньше, чем крупных, производящих продукцию «от поля до тарелки».

Сегодня проблема сбыта сельскохозяйственной продукции — одна из главных причин нехватки капитала и квалифицированных кадров для инноваций и прогрессивных технологий, которые способны существенно изменить перспективы страны. В Индии, занимающей в 1966 г. второе место в мире по ввозу зерна из-за границы, «зеленая революция» позволила к концу 1970-х гг. полностью обеспечить свои потребности, и сегодня эта страна уже стала экспортером пшеницы на мировой рынок.

Развитию «органического» сельского хозяйства не способствует и российское законодательство. В ряде регионов страны отмечена негативная динамика трансформации земель сельскохозяйственного назначения в иные земли в обход Земельного кодекса. Наиболее массовый характер этот процесс приобрел в Белгородской, Калининградской и Московской областях. Только за период с 1999 по 2003 гг. до 80% сельскохозяйственных угодий Подмоскovie сменили своих собственников: более 1,5 млн га были скуплены коммерческими структурами для спекулятивных целей, в основном для перепродажи земли под строительство коттеджей. Спекулятивный капитал куда привлекательнее развития ресурсосберегающих технологий. Поэтому здесь будет не только другая экономика, но и экология.

Развитие «органического» сельского хозяйства в России значительно сдерживается и нынешним низким уровнем благосостояния большинства россиян, который ограничивает потребление лучшего продовольствия, не стимулирует его производство. Зато «открывается» зеленый свет импорту малоценных продуктов по демпинговым ценам, «подкупающим» малоимущих россиян. Именно их бедность стимулирует поставки невостребованного в зарубежье продовольствия — пресловутых куриных окорочков и фарша, кенгурятины, буйволятины, сухого молока и др. Импорт в стоимостном выражении уже вплотную приблизился к объему сельскохозяйственной продукции отечественных товаропроизводителей.

Исходя из современного мирового опыта, нетрудно предвидеть, что в их решении, прежде всего, будут учтены интересы стран-лидеров, членов ВТО. Согласно представлениям руководства США, сегодня Америка, Австралия, в меньшей степени Канада и некоторые другие страны могут прокормить весь остальной мир. России среди этих стран нет. Очевидно,

что и нам могут предложить на «выгодных условиях» производить органическую сельскохозяйственную продукцию по образцу и подобию стран Балтии. Здесь фермеры получают от стран ЕС солидные субсидии за ведение «органического» сельского хозяйства, которые гарантируют прибыль даже при мизерных результатах — урожаях на уровне начала XX столетия и надоях у «органических» коров меньше, чем у коз — 900 л в год(!). Для фермера — это сегодня благо, но завтра, если вдруг в субсидиях откажут, он разорится. И если таких фермеров в стране много, то в лучшем случае ей уготовлена участь «банановой» республики.

Нынешняя география экологической предрасположенности сельского хозяйства российских регионов в значительной мере определяется природными и экономическими факторами их территорий. Как ни парадоксально, но староосвоенным, традиционным сельскохозяйственным территориям присущи наиболее низкие эколого-экономические характеристики. Тогда как «богатые» регионы и территории с высоким уровнем душевого ВВП, большей долей естественных сенокосов и пастбищ, а также пригороды крупных городов с большей платежеспособностью населения имеют повышенную эколого-экономическую ориентированность сельского хозяйства (рис.).

Сегодня, когда вся цивилизованная мировая экономика вступила на природоохранный путь развития, а «органическое» сельское хозяйство стало одним из способов сохранения природной окружающей среды не только для идеалистов, но и для бизнесменов, адаптивной интенсификации сельского хозяйства и наращиванию производства его органических продуктов в России нет альтернативы. Экономисты, составители доклада «Рыночные перспективы органической еды в XXI веке» считают, что будущее «органического сельского хозяйства» и «органической торговли» можно считать безоблачным. По их мнению, человечество все более и более заинтересовано не в количестве, а в качестве еды, а по этому критерию у органических продуктов нет конкурентов. Поэтому выпасть из мирового рынка органической продукции — значит опять отстать.

Решая проблемы экологии и питания натуральными

Эколого-экономические предпосылки развития органического сельского хозяйства в регионах России

продуктами, «органическое сельское хозяйство», конечно, будет создавать новые проблемы, и возможно, более трудные. Россия, учитывая опыт западной цивилизации, имеет возможность более рационально приспособиться к ситуации: при решении проблемы забот о хлебе насущном избежать забот о хлебе безопасном. Но при этом следует помнить, что многие стимулы к развитию общественной системы в странах Запада порождены экономической необходимостью. «Органическое сельское хозяйство», поддерживаемое субвенциями зарубежных стран — потребителями органической продукции, может ослабить эту мощную связь. Поэтому предстоит еще увидеть, найдут ли отставшие страны движущую силу, способную обеспечить их социальное, культурное и политическое развитие, необходимое для того, чтобы справиться с проблемой новой «органической эмансипации». Для России с ее разнообразием природных условий и земельными просторами органическое сельское хозяйство может стать одним из перспективных направлений и импульсом развития ряда регионов и их территорий, формирования здесь экологической культуры. ■